ОЛЕГ ПОСТНОВ: «Я ВЫДУМАЛ АВТОРА “КОНАНА ВАРВАРА”»

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной российской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Редакции Елены Шубиной». Главный редактор издательства «Альпина. Проза».

Роман «Страх» Олега Постнова впервые вышел 22 года назад и мгновенно стал интеллектуальным событием. Тогда Лев Данилкин написал восторженную рецензию еще до появления книги в магазинах. В то время после рецензии Льва Данилкина тираж раскупался в течение двух дней. Поэтому издание романа «Страх» — радость и гордость издательства «Альпина.Проза». В дни non/fictio№24 Олег Постнов, который редко бывает на книжных ярмарках, прилетел из новосибирского Академгородка. И у читателей была уникальная возможность пообщаться с автором. Встречу провела Татьяна Соловьева, главный редактор издательства «Альпина.Проза» и первый заместитель главного редактора журнала «Юность». Разговор вышел увлекательный и даже немного готический — как сам роман Олега Постнова.

— Сейчас модно практически любой текст называть автофикшеном, но далеко не каждый художественный текст им является. Тем не менее понятно, что в каждом романе автор пишет о себе: напрямую или не напрямую. Насколько «Страх» вырос из вашей личной истории?

— Дело в том, что, начиная с полугодового возраста, я жил несколько лет подряд в 70 километрах от Киева. Позже я проводил много времени в Киеве и в области. Там жили мои дедушка и бабушка, много двоюродных теть и, соответственно, моих двоюродных сестер. И у меня скопилось много разных впечатлений.

Например, Юго-Западная железная дорога. Когда едешь из Киева или, наоборот, из Тетерева в Киев (Тетерев — это тот самый поселок, в котором я жил) полтора десятка остановок. Там протекает река Тетерев, в ее честь и назван поселок, стоящий на самом краю огромного соснового леса. Мой дедушка был специалистом по лесному хозяйству, по так называемой подсочке — то есть собиранию сосновой смолы и т. д. У меня

были велосипед и дедушкины лесные карты, и я посещал много разных деревень. Могу сказать, не хвастаясь, что тогдашнюю жизнь тех мест я хорошо знал. Посмотрел, к примеру, хутор на берегах Диканьки. Натолкнулся на всевозможные вещи, которые в моем романе есть. Я отношу их к разряду оккультных, отчасти религиозных, но не традиционной религиозности. Поэтому я описал не совсем Тетерев, я создал его собирательный образ, довольно сильно изменив архитектуру поселка. Тамошние мои знакомые, конечно, легко поймут, что это я взял отсюда, а вот это — оттуда. А вот что я не поменял — так это архитектуру Киева, только воскресил дореволюционные названия.

А дальше вышло следующее. Дедушка главного героя написан непосредственно с моего. И, кстати, по этому поводу ко мне были претензии: читателям показалось, что в украинской деревне не может быть такого интеллигентного дедушки. Но дедушка был действительно тем, что называется «деревенской интеллигенцией». Он свободно владел несколькими языками, которым учил и меня. В том числе и церковно-славянским, отчасти польским. Он только по-украински со мной говорил. И отдавать дедушку герою было страшно жалко.

Что касается самого героя, он не списан с меня. Мне нужен был персонаж, который участвовал бы в черной свадьбе, описанной в романе и вызвавшей споры у киевских рецензентов, считавших, что написанное мною могло случиться в Галиции, но не в Киевской области. А я-то видел это все своими глазами. Итак, черная свадьба. Описать сам обряд было нетрудно. Трудно было найти героя, сделать его таким, чтобы он мог сыграть там действительно страшную роль. В реальности участник не был человеком со стороны, а мой герой москвич. Я ему придумал семью. Мой отец — филолог, как и я, — общался со многими интеллигентными людьми, из чьих образов я собрал персонаж отца моего героя,

вынужденного подолгу жить на Украине и постоянно возвращаться в Москву.

А девушка, в которую влюблен герой, — моя фантазия. Для сюжета мне было необходимо смешать языческие, католические и православные мотивы. Девушка участвует в языческих культах, но при этом она себя считает католичкой. Главный герой, хотя он скорее просто мистик, легко верит в такого рода вещи. Хотя должен сказать, я в них тоже верил. И, вероятно, тоже являюсь мистиком в этом смысле. У меня было довольно много знакомых католичек — как ни странно, в Новосибирске. У нас там был одно время очень интересный католический приход. Туда съезжался весь Новосибирск. Это был скорее клуб по интересам, связанный с религией, не обязательно с католической. Тамошний священник так поставил дело, что там встречались представители любых конфессий и даже атеисты. И происходили интересные встречи. И я не могу ответить точно на вопрос, в какой мере встреченные там девушки дали мне возможность нарисовать образ героини. Мне кажется, что все-таки я ее выдумал, а не с кого-то списал. Хотя подсознание штука хитрая.

— А зачем вам прием двойного рассказчика? У нас есть герой, который рассказывает историю киевскую и московскую, и рукопись, приобретенная в антикварной лавке другим рассказчиком. То есть двойная рамка. Что вам дал этот прием для романа?

— Дело в том, что на самом деле там не два рассказчика, а три, потому что есть вторая часть. И мне нужен был кто-то, кто объединит эти две части. Я не мог это сделать каким-то единственным текстом, где я полностью отсутствую. Тем более что все американские главы и то, что происходит в Нью-Йорке, в Нью-Джерси, и этот магазин (я прожил 1993 год и часть 1994 года в Нью-Джерси) описаны очень точно. И даже тот самый букинист из романа действительно существовал. И у него были русские рукописи. Он мне их не собирался отдавать или продавать. Просто меня поразило, что они у него есть. В Нью-Джерси достаточное количество мигрантов тогда было, и рукописи попадали ему в руки просто так. Это меня натолкнуло на мысль, что я совершенно спокойно могу его взять в качестве вводной фигуры. А уж потом я решил, что, просто с него начав, тут же его бросить неинтересно, и в нужный момент я его свел со своим героем.

В романе есть и другие невымышленные ситуации, если говорить об Америке. Это человек, которого встречает главный герой после событий 1993 года: русский, но родился в Харбине, принадлежал ко второй волне эмиграции и приезжал в Академгородок на конференцию как славист. Там я с ним познакомился, а как только он узнал, что я буду в Соединенных Штатах, он меня, естественно, пригласил к себе. А мне он был совершенно необходим. Роман называется «Страх», и в его финале есть фраза «Страшная месть». Герой работает в русском издательстве. И реальная ситуация: в Нью-Йорке хотели издать мою книгу, но как раз в этот самый момент в России перестали существовать запрещенные книги, и издательство начало прогорать. Они были очень довольны тем, что я им предложил, но издать они это не сумели. Зато у меня появилась возможность это описать: посадить туда своего героя в нужный момент.

У меня была очень хорошая возможность посмотреть Америку. Я там был в гостях у своего состоятельного друга, у меня была машина с шофером. Я делал все что хотел, ездил туда, куда ездить нельзя, смотрел на то, что русским туристам, да и любым, по-моему, туристам, смотреть

не полагается. И вот, получается так, что этот человек в моем романе играет ту же роль, которую играет в конце «Страшной мести», помните? Там звучит довольно странное: «За царем Семеном». Имеется в виду, конечно, король польский, мне нужна была королевская фигура. А этот американец — потомок одного из членов сибирского правительства, смещенного Колчаком. И его родители уехали в Харбин, где он и родился. Так вот, мне нужна была эта королевская фигура, и я сделал его королевской фигурой. Он очень хорошо ложился на такой образ.

— Что для вас страх? Сначала кажется, что наиболее точным названием этого романа будет «Одержимость», многие об этом говорили, но все-таки в название вынесен именно страх – почему?

— Однажды мне понадобилась целительница. Чем славится Украина? Конотопскими ведьмами, киевскими ведьмами. Киев, кстати, по-разному кончается, в некоторых местах есть пригороды, а в некоторых местах просто сплошной огромный зеленый газон, за которым стоит лес. Соответственно, есть такая окраина, по которой едешь от Днепра на запад и изумляешься, глядя по сторонам: слева от тебя тянется город, а по правую руку то, что у нас называется «частным сектором» — одна за другой усадьбы настолько ведьмовские, насколько это только можно себе придумать. Киев я облазил со всех сторон, и с этой стороны тоже. Логичнее было бы начать с Тетерева, но вот как раз Тетерев — это совершенно чистое в этом смысле место. Украинская часть моей семьи имеет прямое отношение к созданию именно этого поселка, потому что там песок, ничего не росло, не было садов, но мой дедушка, который был лесоводом, посадил там первые сады. И теперь это такой же поселок, как и другие украинские. В романе я описываю некую украинскую писательницу. Действительно, одна украинская писательница жила в трех дворах от нас, и я очень много у нее разузнал. А ведьм не было, и поэтому пришлось обращаться вначале в эти дворы.

Зашел в первый попавшийся: ударяешь по ложечке, раздается звон. Собаки гавкают, но не кусаются. И можно просто спросить: «Не подскажете, где-нибудь у вас нет старушки, к которой можно обратиться за лечением?» Говорят: «Вы знаете, у нас есть такая, раньше говорили "ведьма", сейчас так не говорят. Это вот через три двора от нас, пройдите, там найдете». Так началось мое путешествие по разным бабушкам. Эти бабушки по большей части достаточно страшные люди.

Например, по дороге из Киева в Борисполь есть геологический поселок Бортничи. Между двумя дорогами находится лес. И в этом лесу частный сектор. Причем там есть избушки на курьих ножках, а в этих курьих ножках живут соответствующие бабушки. А так как в поселке геологов жила моя тетя, я когда в очередной раз приехал к тете, зашел в частный сектор с вопросом о целительнице, и мне старушка говорит: «Вот моего внучка вылечила соседка, но только не знаю, захочешь ли ты идти, она черная». Я говорю: «Как, черная?» — «Ведьма черная». Я говорю: «Все равно может вылечить?» — «Вылечить может, внук бегает здоровый. Зайди, скажи, что я тебя послала, а она тебе сама все скажет». Я легко ее нашел: захожу — бабушка, довольно тяжелый взгляд. Говорили, что у нее нехорошие глаза: молоко киснет, если она поглядит, как доят корову, и тому подобные вещи. Я сказал от кого, она говорит: «Ты тоже лечиться?» Я говорю: «Не знаю». Она говорит: «Дело в том, что я лечу нечистой силой». Я говорю: «А это как-то ощущается, что это нечистая сила?» — «Да, ощущается. И ты почувствуешь, если согласишься лечиться». Я согла-

сился и спросил, сколько это стоит. А она цитирует из Евангелия: «Даром получили — даром давайте». Я говорю: «Это Евангелие». Она говорит: «И что, что Евангелие? Сила-то все равно черная».

И в назначенное время (кстати, интересное время, сумерки, не вечер, не день, а смеркается) я прихожу к ней, она меня усаживает в центре комнаты. Прямо передо мной просто стена, а за мной вторая половина комнаты. И она говорит: «Что бы ни случилось, если тебе вообще хочется здоровья, а не нездоровья, ты не оглядывайся». Я говорю: «Я надеюсь, там меня никто сзади не пристукнет». — «Нет, не пристукнет, но есть желающие обернуться». И вот она стоит сзади, шепчет по-украински. Я с ней говорил по-русски, она, может быть, думала, что я не понимаю, что она говорит. Я заговор, который она говорила, неплохо представлял по украинской этнографии — совсем обычный, ничего сверхъестественного, его с вариациями можно просто вычитать в литературе.

Но вот дальше было такое впечатление, что откуда ни возьмись появилось огромное количество самых разных животных. Бабушка говорила: «черти». Какие, понять очень трудно: скребется, топочет, грохочет, да еще через некоторое время начинает веять сверху, как будто от летучей мыши, причем от большой летучей мыши. Где-то с полчаса все это продолжалось, и когда все закончилось, просто стихло, как будто свет на какой-то момент включили, а потом выключили — все исчезло в одну секунду. Она говорит: «Можешь смотреть назад». Я оборачиваюсь: ничего — как было, так и есть. Все это время она провела стоя. Причем, как я понимаю, довольно далеко от меня, где-то около противоположной стенки. И она мне говорит: «Ты не из черных. Помочь они тебе помогут, но, во-первых, не сейчас, во-вторых, не они сами. То есть никакой связи с ними не будет. А теперь уходи быстро, пока не стемнело, чтобы ты уже был дома». Я выхожу, там уже темень, я быстро домой. И через несколько месяцев мне уже в Новосибирск звонит моя тетя: нашла какую-то экстрасеншу, которая возьмется за мою проблему. Я впервые поехал в Киев зимой. Меня там действительно вылечили. Я таких историй могу рассказать довольно много, и некоторые из них я описал.

— *Да, да. Это, конечно, мощнейшая готическая традиция.*

— И самое интересное там — то, что все это было нормальным для окружающих. Они относились к этому как к явлению обыденной жизни: «Ну, необъяснимое. Мало ли в жизни необъяснимого? Может быть, наука еще не дошла».

У другой бабушки, когда я там оказался, была огромная толпа народа. Она ездила с милицией отыскивать погибшего человека, потому что знала, где находится тело, — чувствовала приблизительно, где оно находится. И действительно нашла. Она молилась перед образами, а не черной силой действовала. Молитвы читала обычные, православные, не на старославянском, а по-украински. И вот она стоит на коленях, молится 10–15 минут. Затем внезапно поворачивается ко всем окружающим и говорит: «Знаете, сегодня как-то очень тяжело идет. Кто-то здесь есть некрещеный». Некрещеным оказался я, все на меня накинулись: «А что это ты некрещеный?» А там люди не деревенские — некоторые из Киева приехали на своих черных «Волгах». Я говорю: «Понимаете, я из новосибирского Академгородка, там очень трудно церковь найти. У нас все больше НИИ. НИИ — пожалуйста, а церковь — это куда-то за город надо ехать, мы обычно не ездим». Она меня не прогнала и поставила мне диагноз правильный. Но сказала, что вылечить не может.

Эту атмосферу я постарался передать на материале своих воспоминаний, и поэтому я назвал роман «Страх». Это, конечно, лишь одна сторона значения, потому что еще мне нужна была связь со «Страшной местью», и третье — непрерывный страх героя потерять свою возлюбленную. Но несмотря на это, когда роман только появился, было несколько рецензий, где меня пытались сравнивать с Кингом. Меня совершенно это поразило, потому что только по названию это можно сделать. А потом появились уже литературоведческие работы, и там все было аккуратно.

— *Данилкин вас назвал русским Борхесом?*

— Да. Литературоведы писали о моем гоголевском изображении Киева. А так меня сравнили, наверное, со всеми русскими писателями XIX века. Я помню восхитительную совершенно рецензию в Playboy, где написали: «Постнов знает какие-то мышиные или кротовые ходы, где, залезши в гоголевский, можно попасть в бунинский текст, а оттуда совершенно легко перебраться под землей в Эдгара По или в Лавкрафта». Я представил себя в качестве крота, мне понравилось. Мне казалось, что этот стиль восходит к литературе XIX века. Я специалист по Гончарову, но не Гончаров на меня более всего повлиял, а как раз те писатели, которых не знают: второй, третий ряд русской литературы. Он на самом деле великолепен, но его закрывают наши десять главных. Например, Писемский. Много ли найдется людей, которые читали полного Писемского? Я его читал, и не только Писемского. Есть писатели, фамилии которых просто, скорее всего, ничего не скажут. Например, Михайлов. Писатель скорее третьего ряда, тем не менее он блестяще владел стилем. Не знаю, вспомнит ли кто-нибудь, был такой очень печальный и, кстати говоря, достаточно страшный писатель Кронин. Сама судьба его была ужасной. Вот он тоже в большой степени на меня повлиял. Причем мне совершенно случайно попался его двухтомник 1950-х годов, и я, как ни искал библиографию, кроме только некоторых антологий, где публиковали один-два рассказа, больше ничего не нашел.

И вот такого рода писатели влияют не стилем даже, а подходом к работе со словом.

На самом деле я немножко экспериментировал со стилем. Ко времени написания «Страха» я просто не мог взять ничей текст, не переделав его. Внутри романа часто встречаются такие места. И я потом читал в интернете, кого-то это очень раздражало. Половина цитат, которые там кем-то обозначены, придуманы мной. Таких текстов вообще просто нет у этих писателей. А еще есть писатели, которых я выдумал, а заодно и их тексты.

Например, была смешная ситуация. Вышел роман, и появилась большая рецензия на него в «Новом мире» — десять страниц, может быть, даже больше. Автор рецензии писал, что я Говарда придумал, поскольку он смотрел по учебникам американской литературы и никакого Говарда там не нашел. А Говард, помимо прочего, — второе имя Лавкрафта. А Роберт Говард знаменит тем, что написал «Конана Варвара». И как раз в 2000 году все прилавки в метро были завалены этим самым «Конаном Варваром», потому что по телевидению в то время шел одноименный сериал. Мне хотелось, как в анекдоте, позвонить и спросить: «А где я могу получить свою долю?» Если я придумал Говарда, а он придумал это все, то получалась немалая сумма.